

Иван Алексеевич Бунин

В НОЧНОМ МОРЕ

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблчанского.](#)

Пароход, шедший из Одессы в Крым, остановился ночью перед Евпаторией.

На пароходе и возле него образовался суший ад. Грохотали лебедки, яростно кричали и те, что принимали груз, и те, что подавали его снизу, из огромной баржи; с криком, с дракой осаждала пассажирский трап и, как на приступ, с непонятной, бешеной поспешностью, лезла вверх со своими пожитками восточная чернь; электрическая лампочка, спущенная над площадкой трапа, резко освещала густую и беспорядочную вереницу грязных фесок и тюрбанов из башлыков, вытаращенные глаза, пробивавшиеся вперед плечи, судорожно цеплявшиеся за поручни руки; стон стоял и внизу, возле последних ступенек, поминутно заливаемых волной; там тоже дрались и орали, оступались и цеплялись, там стучали весла, сшибались друг с другом лодки, полные народа, - они то высоко взлетали на волне, то глубоко падали, исчезали в темноте под бортом. А дельфино-подобную тушу парохода упруго, точно на резине, валило то в одну, то в другую сторону... Наконец стало стихать.

Очень прямой, с прямыми плечами господин, поднявшийся на палубу в числе последних, подал возле рубки первого класса свой билет и сак лакею и, узнав, что мест в каютах нет, пошел на корму. Тут было темно, стояло несколько полотняных кресел, и только в одном из них чернела фигура полулежащего под пледом человека. Новый пассажир выбрал себе кресло в нескольких шагах от него. Кресло было низкое, и, когда он сел, парусина натянулась и образовала очень удобный и приятный уют. Пароход поднимало и опускало, медленно сносило, поворачивало течением. Дул мягкий ветерок южной летней ночи, слабо пахнувший морем. Ночь, по-летнему простая и мирная, с чистим небом в мелких скромных звездах, давала темноту мягкую, прозрачную. Далекие огни были бледны и потому, что час был поздний, казались сонными. Вскоре на пароходе и совсем все пришло в порядок, слышались уже спокойные командные голоса, загремела якорная цепь... Потом корма задрожала, зашумела винтами и водой. Низко и плоско рассыпанные на далеком берегу огни поплыли назад. Качать перестало...

Можно было подумать, что оба пассажира спят, так неподвижно лежали они в своих креслах. Но нет, они не спали, они пристально смотрели сквозь сумрак друг на друга. И наконец первый, тот, у которого ноги были покрыты пледом, просто и спокойно спросил:

- Вы тоже в Крым?

И второй, с прямыми плечами, не спеша ответил ему тем же топом:

- Да, в Крым и дальше. Побуду в Алушке, потом в Гагры.

- Я вас сразу узнал, - сказал первый.

- И я вас узнал и тоже сразу, - ответил второй.

- Очень странная и неожиданная встреча.

- Как нельзя более.

- Собственно, я не то, что узнал вас, а у меня как будто уже заранее таилось такое чувство, что вы почему-то должны появиться, так что и узнавать было не нужно.

- Совершенно то же самое испытал и я.

- Да? Очень странно. Как тут не сказать, что в жизни все-таки бывают минуты - ну, необыкновенные, что ли? Жизнь, может быть, не так уж проста, как кажется.

- Может быть. Но ведь может быть и другое: то, что мы с вами просто вообразили сию минуту эти чувства нашего якобы предвидения.

- Может быть. Да, весьма возможно. Даже скорее всего, что так.

- Ну вот видите. Мы умствуем, а жизнь, может быть, очень проста. Просто похожа на ту свалку, которая была сейчас возле трапа. Куда эти дураки так спешили, давя друг друга?

И собеседники немного помолчали. Потом снова заговорили.

- Сколько мы с вами не видались? Двадцать три года? - спросил первый пассажир, тот, что лежал под пледом.

- Да, почти так, - ответил второй. - Осенью будет ровно двадцать три. Нам с вами это очень легко подсчитать. Почти четверть века.

- Большой срок. Целая жизнь. То есть я хочу сказать, что обе наши жизни почти уже кончены.

- Да, да. И что же? Разве нам страшно, что кончены?

- Гм! Конечно, нет. Почти ничуть. Ведь это все враки, когда мы говорим себе, что страшно, то